

К машине подошел Чу Тун, один из самых востребованных артистов агентства «Золотая эмблема». Заметив Сюй Мингуана, он расплылся в приветливой улыбке:

— Брат Мин! Какими судьбами?

Чу Тун был типичным представителем нового поколения смазливых айдолов. После прошлогодней роли в невероятно успешной молодежной дораме он в одночасье проснулся знаменитым, и теперь предложения о съемках сыпались на него лавиной. Его менеджер занимал в «Золотой эмблеме» то же положение, что и Сюй Мингуан, и благодаря их приятельским отношениям Чу Тун вел себя с дядюшкой Мином довольно непринужденно.

— О, Чу Тун, — удивленно отозвался Мингуан, приоткрыв окно. — А ты какими ветрами здесь?

— Да вот, снимался для разворота «Романа» у самой госпожи Лизы, — с плохо скрываемой гордостью ответил юноша.

И хотя «Роман» считался изданием второго эшелона, среди молодых звезд своего поколения Чу Тун стал первым, кого пригласили украсить эти страницы.

— Вот оно как. Что ж, поздравляю, — искренне кивнул Мингуан.

— Вообще-то мы закончили еще в четыре, — небрежно обронил актер. — Но я забыл в студии кое-какие вещи. Помощник как раз побежал за ними, а я решил подождать здесь. Надо же, какая встреча! Брат Мин, ты тут никак со старшим Цзяном? — Он пытливо сощурился и попытался заглянуть через плечо собеседника на заднее сиденье.

При упоминании четырех часов глаза Сюй Мингуана на миг потемнели. Теперь все встало на свои места: именно из-за капризов этого мальчишки им пришлось торчать в приемной.

Поймав многозначительный взгляд менеджера в зеркале заднего вида, Фан Дунсуй толкнул дверцу и выбрался на улицу, встав рядом с дядюшкой Мином.

Увидев, что в салоне сидел вовсе не его давний соперник Цзян Чжи, Чу Тун мысленно выдохнул. Однако стоило ему рассмотреть лицо незнакомца, как слова застряли у него в горле. Парень перед ним был невероятно хорош собой. Яркая, запоминающаяся внешность и благородная осанка выделяли его даже на фоне признанных красавцев индустрии. На такого человека хотелось смотреть не отрываясь.

— Ты... кто ты такой? — выдавил потрясенный Чу Тун.

Дунсуй дружелюбно протянул руку:

— Привет. Фан Дунсуй.

— А... — Чу Тун замялся, прежде чем вяло ответить на рукопожатие. — Привет.

Он перевел растерянный, подозрительный взгляд на менеджера:

— Брат Мин, это что, ваш новый подопечный?

Сюй Мингуан таинственно прищурился и заговорщически подмигнул:

— Пока еще нет.

Не давая собеседнику опомниться, он увлек Дунсуя обратно к машине. Довольный произведенным эффектом, Мингуан завел мотор и нажал на газ, оставив растерянного актера позади.

«Фан Дунсуй...» — мысленно повторил Чу Тун, провожая взглядом удаляющийся автомобиль. Его глаза недобро сузились. Нужно срочно связаться со своим агентом и разузнать об этом выскочке.

Таинственность дядюшки Мина оставила в душе Чу Туна мерзкий осадок. Под горячую руку попался несчастный ассистент, как раз вернувшийся с забытыми вещами.

— Брат Чу... — робко начал тот.

— Почему так долго?! — сорвался на крик раздосадованный актер. — Элементарное поручение выполнить не можешь! За что тебе вообще деньги платят, ничтожество?!

Помощник виновато втянул голову в плечи. Глядя на искаженное злостью лицо своего патрона, обычно сияющее жизнерадостной улыбкой на камеру, он мысленно закатил глаза и тихо пролепетал:

— Я не виноват... Просто в студии поднялся такой переполох, все только об одном и шептались. Вот я и прислушался...

— И это твое оправдание? — хмыкнул Чу Тун.

Ассистент боязливо покосился на него:

— Они... они обсуждали вас, брат Чу.

— Ну? И что говорили? — Чу Тун раздраженно скрестил руки на груди.

— Ну, припоминали, что вы опоздали на съемку... А потом...

— Ближе к делу!

Видя, что шеф закипает, помощник зажмурился и выпалил на одном дыхании:

— А потом пришел другой парень. И все так бурно им восхищались! Говорили, что он невероятно талантлив и профессионален...

Он осекся, не смея продолжать.

— И, конечно же, сравнивали его со мной? — с ледяной усмешкой закончил за него Чу Тун.

Помощник лишь вздрогнул под его тяжелым взглядом и поспешно уставился в пол:

— Д-да...

Чу Тун сжал кулаки до побеления костяшек. В памяти тут же всплыли снисходительные усмешки ассистентов Лизы и то, как холодно с ним обращались на съемочной площадке из-за опоздания. Гнев горячей волной затопил грудь.

— Садись в машину! Живо! — рявкнул он, распахивая дверцу автомобиля.

Какое-то время они ехали в абсолютном, звенящем молчании. Наконец Чу Тун не выдержал:

— Как зовут того парня?

— Фамилия у него Фан... Кажется, Фан... — залепетал испуганный помощник.

— Блять! — выругался Чу Тун и резко рванул воротник рубашки, с мясом вырывая верхнюю пуговицу. Внутри все клокотало от ярости.

Тем временем Сюй Мингуан вез Дунсуя домой. Вспоминая перекошенное от зависти лицо Чу Туна, менеджер не мог сдержать довольного смешка.

Тихий смех вырвал Дунсуя из полудремы. Он открыл глаза и сел ровнее.

— Проснулся? — Мингуан взглянул на него через зеркало заднего вида. — Ну и как тебе наш новоиспеченный кумир?

— Вы с ним не ладите, дядюшка Мин? — вместо ответа спросил Дунсуй.

Удивленный такой проницательностью, Мингуан хмыкнул и покачал головой:

— Видишь ли, в шоу-бизнесе все устроено сурово. Сегодня вы клянетесь друг другу в вечной дружбе, а завтра этот же человек уведет у тебя из-под носа выгодный контракт.

Дунсуй нахмурился.

— Ты еще слишком молод и наивен, — вздохнул менеджер. — Дело даже не в самом Чу Туне, а в его агенте, Вэй И. Мы с ним вроде как приятели, но на самом деле — злейшие конкуренты. И самое паскудное в нашей индустрии то, что даже если он нагло отберет у меня проект, при встрече я обязан натянуть фальшивую улыбку и вежливо поздороваться: «О, братец Вэй, как поживаешь?» Тьфу, тошно от этого дерьма.

Сплюнув, Мингуан принялся жаловаться на изнанку актерской доли. Выяснилось, что тот самый «старший Цзян», о котором вынюхивал Чу Тун, — это Цзян Чжи. Актер он был великолепный, но к тридцати годам так и не сумел пробиться в высшую лигу. В прошлом году Сюй Мингуан практически выбил для него главную роль в молодежной драме. Все было решено, но перед самыми съемками вмешался Вэй И и продвинул своего протеже.

Видеть, как благодаря этой роли Чу Тун взлетел на вершину славы, для Мингуана было невыносимо.

Но теперь, глядя на Дунсуя, менеджер чувствовал, что удача наконец-то повернулась к нему лицом. Он весело подмигнул парню:

— Ну всё, Дунсуй, теперь Чу Тун тебя из виду не упустит. Будет бдеть.

— Почему? — удивился тот.

— Наш мир одновременно огромен и тесен до безумия, — серьезно объяснил Мингуан. — Артисты одного ампула постоянно делят одну поляну. Публика выберет только лучшего. Остальные не просто займут вторые и третьи места — рынок сотрет их в порошок. За счет чего вылез Чу Тун? За счет таланта? Смешно. Актер он весьма посредственный. Но вот его внешность и сценический образ — идеальное попадание.

— И какой же у него образ?

— «Солнечный мальчик», — Мингуан пристально посмотрел на Дунсюя. — Жизнерадостный, искрящийся энергией парень с легкой сумасбродной чудинкой, которая так нравится зрителям на развлекательных шоу. Никого не напоминает? Вы с ним в одной категории. Но есть разница: его образ — это маска, которая рано или поздно треснет. А ты такой от природы.

Дунсуй задумчиво кивнул:

— Дядюшка Мин, вы ведь рассказываете мне все это не просто ради лекции по теории шоу-бизнеса?

Менеджер поправил очки, на его интеллигентном лице отразился неподдельный азарт:

— Ловко ты меня раскусил. Я действительно хочу предложить тебе подумать: не желаешь ли ты стать моим подопечным и подписать контракт?

Давить с подписанием контракта Мингуан не стал — дал парню время все взвесить. Машина остановилась у ворот элитного жилого комплекса «Сады Ифэй». Попрощавшись с менеджером, Дунсуй вошел в подъезд своего дома. Стоило ему переступить порог лифта, как телефон в кармане затрясся от лавины уведомлений в WeChat.

Это был их семейный чат под скромным названием «Семья из трех человек, но папочка всех милее».

[Фан Цзяхуай: Сынок, ты где? Почему тебя так долго нет?]

[Фан Цзяхуай: Мне пойти тебя встретить?!]

[Фан Дунсуй: Уже в лифте, буду через минуту!]

[Фан Цзяхуай: Гифка: Зайчик ждет малыша дома]

Глядя на умильную гифку с кроликом, обнимающим морковку, Дунсуй невольно прыснул. Ну что за человек! Столько лет, а ведет себя как капризный ребенок.

Он до мельчайших деталей представлял, что сейчас происходит дома: отец наверняка полулежит на диване, подперев щеки ладонями, уныло кривит губы и преданным щенячьим взглядом гипнотизирует входную дверь.

Решив подразнить своего «капризного духа», Дунсуй зажал кнопку записи и пропел в динамик самым слащавым, капризным голоском, на какой только был способен:

— Папочка, папуля, води себя хорошо! Твой малыш уже совсем близко, скоро-скоро прибежит к тебе! Ну не грусти, ну позязя!

Каждое слово сочилось приторным сиропом, а последнее «позязя» растянулось так сладко и долго, что могло бы соперничать по протяженности с Великой Китайской стеной.

Отпустив кнопку, Дунсуй зажал рот ладонью, беззвучно хохоча и содрогаясь от собственной нелепости. По рукам пробежали мурашки от стыда за этот перформанс. Но стоило ему поднять голову, как веселье мгновенно испарилось: лифт уже тихо звякнул, извещая о прибытии на пятый этаж, и двери плавно разъехались в стороны.

Прямо перед кабиной стоял мужчина в безупречно скроенном строгом костюме.

Мать моя женщина...

Дунсуй остолбенел. Руки и ноги сработали быстрее разума: он пулей отпрянул в самый дальний угол лифта, надеясь слиться с металлической стеной.

Господи, да откуда он тут взялся?! И как давно стоит?!

Застыв как каменное изваяние, Дунсуй судорожно сглотнул. Стыд лавиной накрыл его с головой. Щеки мгновенно вспыхнули пунцовым пожаром, уши запылали, а по телу разлился нестерпимый жар. Хотелось провалиться сквозь землю прямо сейчас.

Но погодите... Лицо незнакомца показалось ему смутно знакомым. Высокий рост, идеальная линия челюсти, холодный взгляд... Неужели это сам Е Ван? Тот самый легендарный киноимператор, чьи портреты украшали каждый кинотеатр страны?

«Ха-ха, ну конечно, просто совпадение...» — мысленно утешал себя Дунсуй, не смея даже пошевелиться.

Тем временем мужчина в костюме, заметив, что двери собираются закрыться, уверенно шагнул в кабину. Проходя мимо, он окинул Дунсуя долгим, невыразительным взглядом, в котором явно читалось подозрение: «Что за чудик забился в угол?»

— Вы... — начал было незнакомец глубоким, бархатистым голосом.

— Мне пора! Я приехал! — в панике закричал Дунсуй, едва не плача. Мысленно он повторил недавнюю фразу дядюшки Мина: «Тьфу, ну что за херня!»

Сгорая от стыда, он выскочил из лифта. На пятом этаже было всего четыре квартиры, и Дунсуй пулей долетел до нужной двери. На автомате вставил ключ, провернул замок, ворвался внутрь и с грохотом захлопнул за собой дверь, прислонившись к ней спиной.

С дивана на него тут же уставился встревоженный отец.

Лицо Дунсуя исказилось в комичной гримасе отчаяния.

— Папа, — со стоном выдавил он. — Я только что похоронил репутацию нашей семьи. Окончательно и безоговорочно.

Отец удивленно моргнул:

— Сынок, ты о чем?..

Дунсуй медленно поднял руку, глядя в пустоту остекленевшим, полным экзистенциальной тоски взглядом:

— Я официально подаю заявление о выходе из нашего семейного клана.

<http://bllate.org/book/18316/1868446>